

с силою бившим в лицо. Горизонт долгое время оставался закрытым, нагроможденными в беспорядке высотами, и, только перейдя на второстепенную по сравнению с Дорци-нига вершину, мы увидели широкую долину Монра ¹⁾, и вышеописанные пески Магэтан.

В окрестностях перевала экспедиция столкнулась с туземным раз'ездом, следовавшим куда-то с заводными конями. Тангуты с важным деловым видом осведомились о том, кто мы такие, а затем, ретировавшись в сторону, пропустили наш караван мимо себя, тщательно рассматривая каждое животное...

Становилось уже темно, когда мы разбили палатки, устроившись снова рядом с кочевьем тангутов, в урочище Тун-нчи, между речкою Лончен-чю, выбегающей из гор Юла, и песками. Обитатели банаг, кажется, все перебивали на биваке, под предлогом продажи аргала, молока и проч. Не желая идти против местного обычая, мы принимали без всякого удовольствия угрюмых неопрятных гостей, неизменно угощая их традиционным чаем...

Погода между тем установилась довольно благоприятная; днем было тепло и тихо, воздух оставался прозрачным, а ночью, при морозе в 20° С, наблюдался лишь слабый ветерок, тянувший с гор. Караван подвигался успешно и надеялся в самом скором времени достичь тангутского княжества Луцца, где предполагалась первая, от оазиса Гуй-дуй'я, дневка.

Состоящая приблизительно из сотни банагов ставка луццазского управителя лежит в урочище Шаныг ²⁾, в превосход-

Ваджрапани (милостивого вида).

¹⁾ Замыкающуюся на юге горами Сергюль или Хара-гол, как их называют монголы.

²⁾ Интересно отметить, что в данной местности встречается много монгольских названий, приуроченных к различным холмам, рекам, долинам и проч. Так, на своем пути я встретил холм «Цаган-тологой», горы «Хара-гол» и урочище «Шаныг». Однако монголы уже лет сто шестьдесят тому назад были изгнаны из этого края свирепыми н'голоками и другими разбойниками Тибетского нагорья.